

Верь, надейся, люби!

*Ищи меня
за облаками*

Роман

НАТАЛИЯ
МИРОНИНА

Счастливый билет

Наталия Миронина

Ищи меня за облаками

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Миронина Н.

Ищи меня за облаками / Н. Миронина — «Эксмо»,
2019 — (Счастливый билет)

ISBN 978-5-04-103542-6

Инна Соломатина переживает сложный период в жизни. Ее уволили с работы, отношения с любимым зашли в тупик, и что-то явно нужно менять. Горькие уроки прошлого еще не до конца осмыслены, а в это время на горизонте появляется бывшая любовь...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103542-6

© Миронина Н., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	21
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Наталия Миронина

Ищи меня за облаками

© Миронина Н., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава первая

Начало

На следующий день совещание началось с «разноса». Директор упражнялся в административном остроумии.

– У нас же не компания! И нет сотрудников у нас! У нас как в том поле – каждый суслик агроном!

Подчиненные даже не хихикнули, хотя вид зверька, который воображает себя специалистом по сельскому хозяйству, наверняка был потешен.

– Зачем я вас всех держу?! – грохотал директор. – Мне что, некуда деньги девать?! Буду увольнять! Хватит терпеть все это!

Инна слушала директора и старалась чем-то занять руки. Когда она волновалась, руки начинали холодеть, мокнуть и дрожать. Это бросалось в глаза. А привлекать внимание директора не хотелось. Вчера она не выполнила его поручение, не узнала, почему вдруг в филиалах такая «течучка» кадров. Официальные цифры, сводки и отчеты мало что говорили. Только было понятно, что в кадровых вопросах идет игра на приличные суммы.

Пять дней назад директор вызвал Соломатину:

– Хочу понять ситуацию. Все эти бумажки – полная ерунда. Присмотритесь, послушайте день-другой, обратите внимание, кто на каких позициях работает. Как смены отрабатывают. Особенно интересуют два филиала. Полдня в одном проведите, полдня – в другом. Завтра доложите на совещании.

Инна пять дней моталась по пригороду – филиалы находились далеко друг от друга. По дороге она попадала под дождь, потом мерзла на ветру, жалея, что с утра не надела шапку. Апрель пришел, но был суровее ноября. «Хуже нет этих местных командировок. Столько всякой суеты, а проку ноль», – думала Соломатина. На «большом» совещании докладывать ей нечего – она ничего толком не узнала. Директоров филиалов не оказывалось на месте, рядовые сотрудники мастерски уклонялись от расспросов. Инна понимала, что будь на ее месте другой человек, результат мог быть вполне приличным. Можно было перекурить с менеджерами, попить чайку в бухгалтерии, посудачить с девочками из отдела заказов. Глядишь, это необременительное общение дало бы массу информации. Но Инна сходилась с людьми тяжело, любой разговор был для нее мучением. И как она вообще столько времени продержалась в компании, будучи ответственной за подготовку кадров, было для нее самой большой загадкой.

Между тем директор замолчал, порывшись на столе и, достав какую-то папку, провозгласил:

– Виноваты все. А некоторые в особенности. И вас, Соломатина, это касается в первую очередь. Вами принято в обучающий сектор двадцать человек, из них только семь работают у нас. А остальные?

– Ну... – Инна хотела сказать, что остальные – это забота отдела кадров. Она свою задачу выполнила – нашла толковых способных людей, которых убедила получить еще одну специальность. Они ее получили, а вот удержать на производстве – это дело кадров, администрации и самого директора. Ее дело – убедить прийти учиться, проследить за учебой и выдать диплом. Это не она, Соломатина, предлагает зарплаты, социальный пакет и карьерный рост. Это не Соломатина урезает премии и посылает в командировки, о которых никто не говорил при приеме на работу. Инна могла возразить, защитить себя, но страх ее сковал. Одновременно в душе поселились лень и апатия. Соломатина знала, что это плохой признак. Это признак того, что она, отрешившись от всего, бороться не собирается. Ей это уже все неинтересно. И она молча смотрела за спину директора, а ладони сцепила в замок, чтобы не было видно бледных пальцев.

– Вас надо уволить, понимаете?! Предприятие терпит убытки из-за кадров, из-за того, что берем людей с улицы, неучей, вместо того, чтобы цепляться за своих. Неучи гонят брак – у нас претензий до потолка за последний квартал!

Подчиненные молчали, Инна упрямо рассматривала ветку старого тополя, который чудом уцелел в заводском дворе. «Господи, да уже уволь ты меня, только не ори так!» – подумала про себя Соломатина и тут же ужаснулась своим мыслям. Она не могла оказаться на улице без зарплаты – родители, съемная квартира, долг за шубу и... И еще планы на лето, билет в Большой и вообще независимость. Ей нельзя потерять работу – впервые за долгое время в ее жизни наступила стабильность. И впервые она длилась несколько лет.

– Я постараюсь исправить ситуацию, я действительно постараюсь, – заговорила она запинаясь...

– Что значит постараюсь?! Вы обязаны! – проорал директор.

– Да что значит – обязана?! Я отвечаю за подготовку кадров. Так они и готовятся, учатся, а то, что люди стали уходить, – это проблема многих отделов! – сорвалась Соломатина.

Директор прищурился, помолчал, а потом тихо ответил:

– Проблема многих. Согласен. Но чтоб им была наука, уволю я вас!

По дороге домой Инна пыталась убедить себя, что устроиться на фабрику по производству входных и межкомнатных дверей, рам и крупной корпусной мебели – это была ошибка. «Не с моим характером. Здесь нужны люди жесткие, грубые и терпеливые», – думала она, таща за собой сумку с вещами. Каждая женщина обрастает на работе гардеробом, памятными мелочами и кучей разной дребедени, которая непонятно как оседает в ящиках письменного стола.

Дома никого не было. Антон очередной раз «гастролировал» с писательской делегацией. Она его ждала только к субботе. Инна обратила внимание на пустые коробки из-под обуви, брошенные в комнате, и ворох футболок. «Хоть бы в шкаф просто кинул. Нет ведь!» – разозлилась она и вдруг обрадовалась, что Антона дома нет. Она огляделась и вдруг заговорила сама с собой.

– Ладно. Ну, уволили, – бормотала она, раскладывая по местам вещи, – да найду я себе работу. Вот немного отдохну, отосплюсь, сделаю, наконец, генеральную уборку...

Тут Соломатина посмотрела на пыльное зеркало и вспомнила, что квартира чужая, что срок вносить деньги вот-вот наступит. А там быстро пролетит еще месяц, и опять выкладывай сороковник. Инна бросила жакет и улеглась на диван. Так она и лежала, окруженная пакетами, одеждой, блокнотами и мягкими игрушками. Думать ни о чем не хотелось, шевелиться не хотелось. Но страх окуклиться в этом своем несчастном положении заставил ее взяться за дела.

Опомнилась она глубокой ночью. В доме царил уже идеальный порядок, углы блестели, пахло свежестью. Инна, сама того не заметив, сделала все, что планировала долгое время, но до чего так и не доходили руки. Помыла люстру, разобрала стенной шкаф, переставила покосившиеся книги на полке, разложила всю мелочь по местам. Она поменяла еще постельное белье, постирала кое-какие вещи, помыла всю кухню, спрятала зимнюю обувь в коробки, выставила легкие сапожки и туфли.

– Ну, квартира в порядке! Теперь моя очередь, – сказала себе Инна.

Она тщательно очистила лицо, наложила маску, выщипала брови, приняла ванну с розовым маслом, облачилась в новую пижаму и с чувством выполненного долга улеглась в постель. За окном начинался новый день. Но Инне он уже был не страшен – она «затормозила», не остановилась, не сбилась с ноги.

Куда может устроиться человек с высшим медицинским образованием, несомненными организаторскими способностями и небольшим опытом руководящей работы? Через месяц поисков работы Инне Соломатиной казалось, что никуда. Что нигде она не нужна, никому не интересна, а если работу и предлагают, то за ничтожную плату.

– Я своим продавцам больше «пятихатки» не плачу, – спокойно сказала ей владелица магазинчика одежды и постельного белья.

– Больше чего? – не поняла Инна.

– «Пятихатки», пятисот рублей, – пояснила тетка.

Асю почему-то покорило не столько ничтожное жалование, сколько заскорузлое обозначение суммы.

«Нет, у меня образование, и я неплохо справлялась со своими обязанностями на прошлой работе. А директор уволил меня из-за дурного настроения», – подумала Инна.

– Знаешь, ты не привередничай, ты соглашайся. У меня тут хорошо. Иногда я тебе что-нибудь из вещей дарить буду. – Тетка по-своему истолковала молчание Инны.

– Я не привередничаю. Я институт окончила, у меня опыт работы на производстве. Я многое умею.

– И что? Работу ищешь? У меня десять классов, я халатами торгую, а у меня машина, дом, квартира и в банке кое-что, – рассмеялась тетка.

– Я рада за вас, – сухо распрощалась Соломатина.

Но тетка попала в цель – на Инну произвело впечатление не богатство как таковое, а возможность тетки чувствовать себя неуязвимой. Инна зашла в кафе и, несмотря на строгую экономию, попросила принести ей большой кофе и кусок торта. «Как же они все так устраиваются?! Халаты, машины, квартиры... Сидит такая...» Инна мысленно подбирала определение, которое могло подойти тетке с халатами.

– Ваш кофе. И торт, – официантка поставила на стол поднос.

«Торт – это хорошо», – подумала Инна. Вид лакомства и запах кофе подействовали успокаивающе. Вдруг стало уютно. Кафе превратилось в норку, куда можно было спрятаться от проблем. Полумрак, люди, занятые собой и своими делами, приглушенный звон посуды – все это было обособленным миром, и внешние проблемы превратились в обычные, совсем не фатальные вопросы. В этом обманчивом состоянии Соломатина находилась ровно столько, сколько ела торт. С последним кусочком, оставившим шоколадный след на белой тарелке, тревога дала о себе знать. «Странно все это. Как будто меня заколдовали, сглазили, порчу навели, – подумала Инна, но тут же спохватилась. – Нет, порча – это уж слишком. Да и сглаз не имеет к этому никакого отношения. Но ведь с работой не везет. Хоть тресни. И хоть расшибись в лепешку, работай за пятерых, меня все равно увольняют. Причем очень быстро». Соломатина вдруг вспомнила чувство, которое охватило ее на совещании. Она словно бы торопила директора, словно точно знала, что уволят именно ее, а потому душевно даже не сопротивлялась, хотя и не могла себе сейчас позволить безденежье. Соломатина помнила, как она сидела, пыталась унять дрожь ледяных рук и точно знала, что именно на ней директор остановит свой выбор. «Получается, я предсказываю свои собственные неприятности. Или предчувствую. Интересно, как... Надо вспомнить, давно у меня так?»

Инна задумчиво помешала кофейную гущу, потом с сожалением посмотрела на пустую тарелочку из-под торта и неожиданно вслух произнесла:

– Антон. Все началось с Антона. А если так, то нам надо расстаться.

Соломатина испуганно огляделась – никто ее не слышал. И дело было не в том, что она говорила вслух, а в том, что именно она сказала вслух. А сказала она то, о чем еще недавно и подумать боялась. Волновалась она зря – окружающие были заняты собственными проблемами, на нее никто не обратил внимания. Тогда Инна ложечкой соскребла остатки крема с тарелочки, затем потребовала счет и решительно вышла из кафе. Она двигалась в сторону дома, чтобы сейчас же раз и навсегда устранить причину всех своих неприятностей.

Правильно говорят: «Настоящее – зеркало прошлого». Иными словами, хочешь понять человека – расспроси его о детстве. Конечно, случаются вывихи и прочие неприятности. Случается, что добрый и ласковый ребенок вырастает в монстра. Но это – тот самый вывих.

Если говорить о Соломатиной, то все случаи из ее прошлого – это подтверждение ее сегодняшней ситуации.

Когда-то Соломатина обожала униформу. После одиннадцатого класса она собиралась идти в юридический, чтобы потом щеголять в полицейских погонах. Запасным вариантом была Академия лесного хозяйства. Зеленое сукно, из которого шили кители лесникам, безумно подошло бы к ее глазам. Но это все было в будущем, а пока девятому «А» предстояло трудиться в областной больнице. О чем и сообщила классный руководитель.

– Мы с вами вливаемся в набирающее силу волонтерское движение, – сказала Людмила Григорьевна торжественным голосом. – Вы знаете, какими нужными и важными делами занимаются волонтеры. Весь июнь мы будем помогать врачам.

– А нам выдадут белые халаты? – подняла руку Соломатина.

Класс заржал, а Людмила Григорьевна пожала плечами:

– Наверное. Наверное, что-то такое дадут!

«Что-то такое» Соломатиной было не нужно. Ей нужна была форма, которая подчеркивала бы ее статус.

Через три дня класс собрали в вестибюле больницы.

– Мы рады увидеть в вашем лице помощников! Будем надеяться, что волонтерское движение принесет пользу не только нам, но и вам, определяющим сейчас свой дальнейший путь! – директор по хозяйственной части открыл официальную часть.

– Быстро переодевайтесь! Немного не ваши размеры, но без халатов в больнице находиться нельзя. Наш врач Владимир Анатольевич введет вас в курс дела.

Завхоз выдала охапку белых халатов...

Пока одноклассники дергали себя за полы безразмерных одежд, Соломатина достала из пакета накрахмаленное белое платье. Платье было на пуговицах и с пояском, поэтому очень походило на врачебный халат. К тому же нагрудный карман платья был украшен змеей, обнимавшей рюмку на высокой ножке. Змею вышивала сама Соломатина, и была она похожа на ленточного червя из учебника по биологии. Но это если присмотреться. Общий же вид Инны Соломатиной был великолепен – в меру расклешенная юбка, воротничок-стойка, тугой поясик подчеркивает тонкую талию. Если одноклассники в белых халатах с чужого плеча напоминали привидения, то Соломатина вполне могла сойти за медика-практиканта.

– Итак, – сказал усталый доктор Владимир Анатольевич, – вы, наверное, заметили, что у нас в больнице ремонт. Несмотря на это, мы продолжаем лечить наших больных. Задачи на ближайшие дни такие. Мальчики должны перетащить и расставить мебель на этаже, девочки – помыть окна и двери. И еще я отберу несколько человек, которые будут ухаживать за пациентами. Дело в том, что у нас в отделении есть те, чье состояние не является тяжелым, но тем не менее этим людям требуется помощь. Ваша задача – эту помощь оказывать.

Владимир Анатольевич обвел глазами класс и растерялся. Интересно, кого можно выбрать из этой толпы охламонов? И тут он заметил Соломатину.

– А вы кто? – спросил Владимир Анатольевич.

– Это тоже наша ученица. Очень хорошая, очень аккуратная девочка, – скороговоркой пояснила классная руководительница. Она обрадовалась, что хоть кто-то из класса внешне соответствует важным задачам волонтерского движения.

– Я вижу, что аккуратная, – одобрительно кивнул заведующий отделением. – Вот вы, Соломатина, и еще два человека.

– Ваш подопечный лежит в седьмой палате. Задачу знаете – помогать ему в быту, следить за порядком, если что-то заметите – позовете медсестру или врача. То есть вы должны выполнять функции сиделки. Вы меня понимаете? – Владимир Анатольевич посмотрел на Инну.

– Отлично понимаю. Я задам несколько вопросов? – официально спросила Соломатина. Белое форменное платье придавало ей уверенности.

– Конечно, – кивнул доктор.

– Мне будет легче выполнять свою работу, если я буду хоть что-то знать о больном.

– Логично, – согласился доктор.

– Можно в двух словах его историю?

Доктор растерялся на мгновение, но девушка, стоявшая перед ним, была собрана, деловита, в ней не было ни капли смущения или кокетства. А еще это белое, выглаженное «докторское» платье.

– Лыжня, сугроб, ветка, неотстегнувшееся крепление. Вывих, трещина, связки. Лечится с перерывами уже пятый месяц. Беспокоят боли в области стопы. К сожалению, пациент пытался ходить, когда это было строго воспрещено.

– Прогноз? – также лаконично спросила Соломатина.

– Большая вероятность постоянной хромоты. Костыли или палочка. Разумеется, все строго между нами.

– Я понимаю, – важно произнесла Соломатина. – А сейчас какой режим?

– Через две недели обследование. До этого – строго постельный!

– Спасибо, – ответила Соломатина. Она достала из кармана белую отглаженную косынку, повязала на свои пышные волосы и пошла искать седьмую палату.

Доктор Владимир Анатольевич озадаченно посмотрел ей вслед.

Палата номер семь находилась в самом конце коридора. Инна подошла к двери и осторожно постучала.

– Ну? – раздалось в ответ.

Инна вошла.

– Здравствуйте, я – ваша сиделка. Мы, наш класс, – волонтеры. Меня прикрепили к вам. Я буду помогать вам.

– Мне вообще-то ничего не надо, но... Валяй! – улыбнулся парень, лежащий на кровати.

Инна на секунду растерялась. Но потом, ощутив, как строго сжимает талию поясok ее накрахмаленного платья, сурово сказала:

– Давайте познакомимся. Инна Соломатина.

– А я – Федотов, – улыбнулся парень.

– Очень приятно, – кивнула Инна.

– Да? – парень с интересом посмотрел на нее. – Я подумал, что новый врач с обходом.

Соломатина довольно хмыкнула:

– Нет, я буду помогать вам. Ну, убрать, принести, что-то помыть...

– А, понятно... – ответил Федотов и попытался принять непринужденную позу. Ему это плохо удалось – больная нога была схвачена металлической скобкой.

– Вы не беспокойтесь, если что – обращайтесь, – сказала Инна, заметив его движение.

– Вежливая, на «вы», – прищурился Федотов. Он словно не заметил предложение о помощи.

– Научили родители, – парировала Инна, – как вы себя чувствуете сегодня?

– Как и положено.

– Я тут приберу, помою, хорошо?

– Стоит ли? – нахмурился Федотов.

– Похоже, нет, но надо.

Парень хмыкнул, оценив ответ. Но настроение у него явно испортилось.

– Слушай, а ты, что ли, каждый день будешь приходить? С утра до вечера тут торчать будешь? – спросил он как бы между прочим.

– Каждый день. А сколько времени буду это делать – пока не сказали. Я же не буду мешать?

– Не знаю, – ответил парень и уткнулся в свой телефон.

Палата была небольшой, но когда-то здесь стояли еще две кровати. Теперь же на их месте шуршала строительная пленка. Она прикрывала стену с пятнами свежей штукатурки. Из мебели в палате была кровать, на которой лежал Федотов, тумбочка и один стул. К стулу прислонились костыли. Небольшой умывальник находился в углу, там же были зеркало и крючки с белыми тряпочками. Инна внимательно оглядела ремонтируемый угол, нашла кучки мусора, загнанного под пленку, обрывки бумажек и жестянку с засохшей краской. Еще она увидела, что раковина грязноватая, а на захлавленной тумбочке полно крошек. Инна все это заметила и заодно разглядела Федотова. На вид ему было лет семнадцать. Он был худым, жилистым, с рыжими волосами, забранными на макушке в хвост, лицо в редких веснушках. Одет в тонкий спортивный костюм и белые носки.

Соломатина не выдержала повисшего молчания:

– Может, вам хочется чаю, перекусить?

– А? – не сразу оторвался от телефона Федотов. – Не, ничего не надо.

– Хорошо, я все же наведу порядок на вашей тумбочке. Здесь очень грязно.

– Не трогай ничего! – с досадой сказал Федотов.

– Так нельзя, у вас здесь просто... Просто ужас. И почему уборщица ни разу не вытерла пыль и эти следы еды?!

– Тебе-то что? Не твоя тумбочка. Я не люблю, когда копаются в моих вещах, – неожиданно резко сказал Федотов. В его взгляде появилась злость.

– Должно быть чисто, – упавшим голосом сказала Соломатина.

– Для меня – чисто, – отрезал Федотов.

Инна помолчала, прошла по палате.

– Хотите, я вам книгу прочитаю? Я специально взяла из дома хороший детектив, – наконец сказала она.

– Чего? – изумился Федотов.

– Почитаю, – повторила Инна.

– Я не могу ходить, но знаю буквы. И вообще, мне ничего не надо... Я ведь уже сказал.

Она растерялась. Во-первых, потому что настроение парня резко изменилось – доброжелательный интерес сменился раздражением. А во-вторых, от ее умственных представлений, как она деловито, весело, играючи наведет порядок и уют, как она развлечет, рассмешит, подбодрит больного, – от этих представлений ничего не осталось. В реальности была комната, где нечего делать, некуда было сесть и где она была совершенно не нужна.

– Слушай, иди. Если что, я тебя позову, – сказал Федотов. В его телефоне что-то пискнуло, и он стремительно начал писать ответ. Инна потопталась, потом вышла из палаты.

Волонтеры пришли в больницу как нельзя кстати. Тусклые коридоры, наполненные осторожным шарканьем больных, теперь продувались сквозняками и сотрясались еле сдерживаемым гоготом. Школьников иногда одергивали, но делали это формально – молодая энергия распространялась со скоростью вируса. И вот уже старушки туже подвязали свои байковые халаты, дамы помоложе угощали яблочком, а мужчины тайком посылали за сигаретами, одновременно читая лекции о вреде табака.

Соломатина, по натуре индивидуалистка, сейчас позавидовала одноклассникам – они были все вместе и при деле. Инна нашла свободный стул, поставила его в коридоре рядом с

палатой и села, чинно сложив руки. Она прислушивалась к звукам из-за двери и покинула свой пост только раз, привлеченная необычным шумом – мальчишки устроили гонки на креслах-каталках.

Ближе к обеду по коридору пробежал доктор Владимир Анатольевич. Он сначала проскочил мимо Соломатиной, потом тормознул и спросил:

– А что это вы здесь делаете?

– Сажу и жду, когда меня позовут. Пока моя помощь не нужна, – ответила Инна.

– Понятно. И дел там для вас никаких нет?

– Есть, но он... Федотов, говорит, чтобы я не мешала...

– Идите в палату, передайте ему, что сейчас задницу колоть придут. И занимайтесь тем, чем считаете нужным.

– Да?

– Конечно. Федотов – пациент. Если бы мы пациентов во всем слушались – они бы так и оставались пациентами. Вы меня поняли? Как вас – Соломатина?

– Да, я вас поняла, – покраснела Инна.

– Тогда – вперед! – Доктор рысью помчался дальше.

Когда медсестра пришла делать укол, она увидела красного от злости Федотова и Соломатину, тщательно перемывающую посуду. На полу стояли пакеты с мусором, засохшим хлебом, пакетами от чипсов, фантиками. Тумбочка была настежь открыта, и от нее пахло дезинфекцией.

– Поворачивайтесь, колоться будем! – скомандовала сестра и покосилась на Инну.

– Минуточку, я выйду. – Инна стащила резиновые перчатки и, пользуясь моментом, пошла искать уборщицу. Найдя ее, она сказала:

– Спасибо вам за перчатки, губки и порошок. Пожалуйста, помойте у Федотова полы – там под пленкой ужасная грязь.

– Это ремонт...

– Нет, это плохо убрано, – неожиданно твердо сказала Соломатина.

Она вдруг почувствовала свою силу. Они, весь класс, не на птичьих правах, они – волонтеры. И раз уж они бесплатно помогают, имеют право что-то требовать.

– Ты что это? Начальница, тоже мне!

– Пожалуйста, помойте. Все остальное я уже сделала сама.

В четыре часа волонтеров-школьников отпустили домой.

– Я уйду. Приду завтра рано утром. Вам сейчас ничего не нужно? – обратилась Инна к Федотову. Тот все молчал, сопел, по-прежнему злился.

– Если что-то надо, я могу задержаться.

– Надо, – неожиданно ответил Федотов.

– Да, конечно, слушаю вас, – улыбнулась Инна. Она не ожидала, что Федотов о чем-то попросит.

– Я хочу пи-пи.

– Что? – изумилась Соломатина.

– Пи-пи, – Федотов посмотрел на нее. И она увидела, что глаза у него цвета неба.

– А... Вам нельзя вставать...

– Нельзя, – подтвердил Федотов.

– И как же...

– Ты сиделка, ты и решай проблему! – ответил Федотов и забавно свернул губы трубочкой. – Только учти – долго не вытерплю...

– Вот вам «утка», – подала через десять минут Инна с пунцовыми щеками предмет, накрытый марлей.

– Дольше ходить не могла? Это твое счастье, что не придется менять простыни... Ну, – Федотов поднял на нее глаза, – стоять и смотреть будешь?! Не волнуйся, я тебя потом позову.

– Извините! – Соломатина вылетела из палаты.

– Инка, пошли домой! – окликнула ее подруга, Анечка Нечипоренко.

В коридоре толпились одноклассники.

– Да, сейчас, – растерялась она.

– Пойдем, пойдем... – нетерпеливая Нечипоренко потянула ее за руку. Соломатина замешкалась:

– Понимаешь, там...

– Сиделка! Волонтер! Можешь заходить! – раздался громкий голос Федотова. В коридоре стало тихо.

– Да, иду, – ответила Соломатина хрипло и вернулась в палату.

– Можешь уносить, – Федотов кивнул на «утку», опять накрытую марлей.

– Хорошо. Я все унесу. – Она взяла в руки потяжелевший предмет.

– Не забудь вернуть. По вечерам у нас тут волонтеров нет, – пробурчал Федотов.

– Хорошо.

Инна вышла в коридор, надеясь, что одноклассники уже разошлись. Но она ошиблась. Ее встретили гул и смешки.

– Соломатина, ну ты даешь! Во вляпалась! Нет, чтобы окна мыть, ты какашки выносить теперь целый месяц будешь! – громкий голос Егорова разносился по коридору. Егоров был хамом и отличником. Редкое сочетание способностей и полного отсутствия внутренних тормозов.

– Ты дура, что ли? – преградила ей путь подруга.

– Пусти, я сейчас уроню эту штуку! – цыкнула на нее Соломатина. – Уроню прямо на тебя.

– Больная! Тут же няньки есть! Это их работа... – не могла успокоиться Аня.

– Завтра я им напому об этом, – парировала Соломатина, направляясь к туалетам.

Там она сделала, что положено было сделать, и вернулась к Федотову.

– Вот, пожалуйста, – она аккуратно поставила чистую «утку» рядом с кроватью.

– Угу, – ответил тот не глядя.

Домой Соломатина возвращалась одна. Одноклассники собрались в кино, подруга непонятно на что обиделась. «Дураки», – думала о них Соломатина. Она так устала, что не стала переодеваться в больнице, и теперь пояс давил, мешая дышать. Дома Инна зашвырнула «форменное» платье подальше в шкаф, приняла душ, засунула за щеку «чупа-чупс» и легла. «Я не собираюсь быть врачом, фельдшером, сиделкой. Поэтому завтра я никуда не пойду». Приняв это решение, она сразу уснула.

В девять утра доктор Владимир Анатольевич совершал обход.

– Ну, как нога? – спросил он Федотова, который пытался очистить футболку от зубной пасты.

– Болит. Не так, как раньше, но болит.

– Это ничего. Болеть должно. Главное сейчас – не ходить.

– Знаю, – огрызнулся Федотов, – но и лежать тоже я больше не могу. Зубы почистить невозможно... Вот, весь перемазался...

– Ну что ж, это временные трудности, – похлопал его по плечу доктор, – потерпи. К тому же вон, у нас волонтеры работают. Помочь могут.

Федотов в ответ заскрипел зубами:

– Кому они нужны? Только шум, днем поспать не дают. Стучат...

– Что это ты? Всегда такой спокойный! – удивился Владимир Анатольевич.

Да, Олег Федотов был спокойным терпеливым пациентом. Доктор мог даже сказать – мужественным. Все, что с ним случилось, он перенес практически в одиночестве. Без поддержки родных и близких. Потому что родных и близких у него не было. В новогоднюю неделю Федотов приехал из соседнего города с другими учениками математического интерната. И вот ведь незадача – лыжная прогулка! В больнице Федотова почти никто не навещал – пару раз приезжал приятель, пару раз педагог интерната. Доктор жалел парня, и именно поэтому он послал к нему Соломатину. Школьница показалась ему аккуратной, ответственной и какой-то... Доктор не мог подобрать точное определение. Короче, Инна Соломатина показалась ему самой подходящей кандидатурой.

Владимир Анатольевич вздохнул и вышел из палаты.

Она пришла в больницу, когда весь класс уже работал.

– О, командир горшков пожаловал, – пошутил Егоров.

Он умел удивлять тупостью шуток. Соломатина не отреагировала, только одернула свое белое платье. Гладить его пришлось впопыхах, утром, сожалея о вечернем опрометчивом решении. «Нельзя не ходить. Одноклассники засмеют. И Соколова обиделась, надо подойти к ней!» – думала Инна. Она выпалась и была готова отомстить Федотову за выходку с «уткой».

«Я все понимаю, но мог бы намекнуть, я бы позвала кого-нибудь из персонала, из мужчин».

– Вы опоздали, – встретил ее доктор, – все уже на своих местах. У нас утро – самое тяжелое время. Больные должны умыться, привести себя в порядок, одеться, принять лекарство. Им именно в это время требуется особая помощь.

– Извините. Я проспала. Вчера устала.

– Понимаю, но вы – волонтер, – напомнил Владимир Анатольевич, – кстати, ваш пациент, Федотов, из другого города. Здесь у него никого нет. Да и там, где он живет, тоже. Поэтому будьте внимательнее.

– Вы хотите сказать, он – детдомовский? – вздернула брови Инна.

– Да, последние годы Федотов живет и учится в специальном интернате для одаренных детей. У него исключительные математические способности.

– А, – протянула Инна, – потому вы его запихнули в самую дальнюю палату с недокрашенной стеной! Нет, чтобы положить к соседям. Чтобы человек не один был. Чтобы поговорить было с кем. Конечно, детдомовского можно задвинуть...

Доктор оторопело посмотрела на Соломатину.

– Что это вы такое говорите?!

– А что, я неправду говорю? Разве не лежит он один? Представляете, как вечерами ему? Знаете, я считаю, что это неправильно. Это наплевательское отношение к...

– Хватит, идите займитесь делом, – оборвал ее доктор.

Наблюдая, как Инна идет по длинному коридору, Владимир Анатольевич думал: «Заноза, а не девчонка. Кстати, да, Федотов лежит один, угол стены «разбомблен». Нехорошо. А эта еще и шум устроит». Доктор вспомнил, как его племянница, подняв на ноги всякие там «контакты» и прочие сети, «уволила» директора местного кафе. «Так то – кафе. А здесь – больница, и парень без родителей. Надо срочно что-то делать», – заключил доктор.

Соломатина же, шедшая по коридору, думала следующее: «В палате, где лежит еще кто-то, всегда найдется ходячий больной, который подаст “утку”».

За первую неделю работы Соломатиной в больнице с Федотовым произошло событий больше, чем за все пять месяцев его лечения. Во всяком случае, так казалось со стороны. Федотова два раза переселяли. Сначала в трехместную палату к говорливым мужичкам, потом,

после самовольной попытки Федотова сбежать, обратно в старую палату. Федотову поменяли кровать – поставили ту, которая автоматически меняла положение изголовья. «Если он занимается, ему необходимо удобно сидеть. Может, это будущий нобелевский лауреат? Вы хотите, чтобы он уехал в другую страну?» – сказала Инна доктору. Соломатина умела прикинуться наивной душой. Больничные поварахи, развозившие еду, научились класть отдельно кашу, омлет и масло. До появления Соломатиной они экономили посуду и норовили сложить все на одну тарелку. «Мы аккуратненько, с краю», – лживо приговаривали тетки, бухая все вместе.

– Это что за свинство? – возмутилась Соломатина однажды. – У вас что, тарелок нет? А если нет, вот же у человека на тумбочке три блюда!

Удивительно, но тетки подчинились.

– Федотов, кто она тебе? – поинтересовалась шепотом одна из них.

– Двоюродная баба-яга, – отвечал тот.

Похоже, он Соломатину возненавидел. От одной ее тоненькой фигурки, отутюженного белого платья, от косынки на пушистых волосах ему становилось не по себе. Ему, который был на свете одинок, но никогда в своей жизни не жил в отдельной комнате, сам по себе, не под взглядом соседа, казалось, что весь покой, который он нашел в этой палате, улечивается. Казалось, что земля под ним ходит ходуном, а формулы, которые так его занимали, распадаются на отдельные знаки. А еще он страшно стыдился своей немоги, поэтому неловкости и неаккуратности. На фоне безукоризненной, «отутюженной» девушки он себе казался противно несвежим. Короче, Соломатина внесла в его жизнь сплошное беспокойство. Конечно, если бы он мог ходить... Но ходить пока он не мог, поэтому пытался избавиться от Соломатиной любыми способами.

– Тебя просили?! – орал на нее Федотов, когда узнал, что переселение – ее рук дело. – Не лезь!

– Почему вы кричите?! Я же хотела как лучше! – У Инны дрожали губы.

– А ты не хоти как лучше! – заговаривался от злости Федотов.

Такую же ярость у него вызывала манера Соломатиной систематизировать предметы в тумбочке.

– Книжки должны лежать так, как я их положил, – выговаривал Федотов, – а не так, как тебе хочется.

– Это же неудобно! – пробовала спорить Инна.

– Кому?! Тебе?! – злился Федотов.

Официально школьники работали по четырех. Особого напряжения не было, но Соломатиной удавалось передохнуть только к обеду. До этого времени она была плотно занята. Помогала умыться Федотову, перестилала постель, проветривала палату, меняла ему футболку, убирала посуду после завтрака, ходила за чистыми полотенцами. Вообще-то полотенца больным приносили из дома, но у Федотова дома не было, и ему выдавали половинки простынь, которыми он вытирался. Через три дня Соломатина принесла из дома два полотенца.

– Это вам выдали, – соврала она Федотову. Тот ничего не ответил.

– Завтра вам должны поменять белье, – продолжила она, – я узнала. В душ вам еще нельзя. Надо что-то придумать.

– Хочешь сказать, от меня воняет?

– Я хочу сказать, что приятнее быть чистым.

В этот день по дороге домой Соломатина вдруг представила, что она на свете одна, лежит в больнице, и никто не поможет помыться и сделать маникюр. Стало страшно. Она свернула в аптеку и купила большой баллончик специального средства – в исключительных ситуациях оно заменяло душ.

– Вот эта штука очень удобная. Брызгаете, появляется пена, вы ее губкой вытираете, – сказала она Федотову, подавая баллончик.

– На хрена он мне?

– Чтобы вы стали еще грязнее, – съязвила Инна. – Сменная одежда в тумбочке на верхней полке – так вам удобнее ее доставать. Я пойду передохну, а вы пока займитесь делом.

Когда она вернулась, в палате приятно пахло, на Федотове была чистая футболка, а на пол была свалена грязная одежда.

– Убери. Еще лучше – постирай, – распорядился Федотов.

Соломатина растерялась. Она хотела сказать Федотову что-нибудь приятное, но его хамский тон обидел и сбил с толку.

В другой раз Федотов раскрошил печенье на тумбочке и разлил чай. Инна была уверена, что нарочно.

Ситуация с «уткой» периодически повторялась. Соломатина могла поспорить, что делается это специально (обходился же он как-то раньше!). Инна была уверена, что парень нарочно ее унижает, ставит в дурацкое положение, заставляет уйти. Она старалась не думать, что будет, если Федотов захочет «ка-ка». Видимо, пока эта проблема решалась без ее участия. Несмотря на все, Соломатина держалась. Она упрямо приходила каждое утро и неукоснительно выполняла всю работу. Внутри ее была злость из-за грубости Федотова. «Дурак. Несчастный дурак. Посмотрим, кто кого. Я ему еще покажу», – думала она. Ей ужасно было обидно и за свое щегольское белое платье, и за свое настроение, и за желание быть полезной.

– Федотов, ты зачем доводишь девчонку? – поинтересовался доктор, заметив однажды красные глаза Соломатиной.

– Достала. Она не нужна мне здесь.

– Послушай. – Доктор присел на стул. – Через несколько дней ты попытаешься встать на ноги. Рядом кто-то должен быть.

– Думаете, она меня удержит, если я упаду? – скривился Федотов.

– Тебя никто не удержит. Ты высокий, крепкий, тяжелый. Хоть и худой. Но она... – Доктор запнулся. – Она подстрахует, позовет на помощь. Она внимательна, аккуратна и надежна. Рядом с тобой должен быть именно такой человек. Других у тебя нет. Извини, что напоминаю. Могу, конечно, поискать в больнице кого-нибудь... Но не стоит этого делать, поверь мне.

– Соломатина, отвезите пациента на третий этаж, в кабинет рентгенографии. И подождите его там. Как закончите, возвращайтесь, – распорядился доктор.

– Кто-нибудь в седьмую палату кресло-каталку! – начальственно обратилась Инна к мальчишкам из класса. Каталку привезли быстро – то ли упорство, с каким Соломатина ухаживала за Федотовым, то ли атмосфера больницы так повлияла, но смешков стало меньше, участия и понимания больше.

Действительно, Федотов оказался тяжелым, но каталка устойчивой, пол ровным, пандусы помогали преодолевать трудные участки – до рентген-кабинета они добрались без приключений. Соломатина катила перед собой кресло и, поглядывая сверху на рыжий хвост Федотова, думала: «Интересно, как он остался сиротой? Ну, хоть кто-то же есть из родных? Или был?» В последнее время она все чаще примеряла его ситуацию на себя, и от этого душа холодела.

Перед кабинетом их заставили подождать.

– Через минут пять завозите, – сказала тетка и, оглядев белое платье Соломатиной, спросила: – Вы кто?

– Я – волонтер, – опасливо буркнула Инна. Она побоялась грубой насмешки со стороны Федотова. Но тот промолчал, а тетка сказала:

– Вот и хорошо, посиди с больным, а я хоть кофе глотну – с утра завал. Пять минут, ребята.

«Ребята» в полном молчании погрузились в свои телефоны. Соломатина писала эсэмэс подруге и думала, что телефон – просто счастье. Вот о чем бы сейчас беседовать с этим типом?!

– Интересно, костылименные сразу выдадут? – вдруг подал голос Федотов.

Соломатина вздрогнула – реагировать надо было немедленно, но как, она не знала. Инна врала с трудом.

– Здесь костыли не выдают. Это рентген, – наконец ответила она.

– Ты – дура, да? – посмотрел на нее Федотов.

– Да, – согласилась Соломатина.

На следующий день доктор Владимир Анатольевич вызвал ее к себе в кабинет.

– Понимаю, вы – не наш сотрудник, вы – волонтер. Но вы отлично справляетесь со своими обязанностями. Вам осталось дней десять у нас проработать?

– Чуть больше, – кивнула Инна.

– Ну, вот, – вздохнул доктор, – будете сопровождать Федотова. Пока он будет учиться ходить.

– Хорошо. А что показал рентген?

– Ну... Я надеялся, что смогу его полностью восстановить. Но увы, – ответил Владимир Анатольевич.

– Все плохо?

– Будет хромать, ходить сначала с костылями, потом, надеюсь, с палочкой. Сейчас главное – ходить и научиться не падать. Опасности никакой нет уже – он может выполнять любые движения. Но за полгода он разучился их делать. Так что ставить больную ногу, уметь обращаться с костылями – вот первые задачи. Начинайте постепенно и старайтесь делать то, что здоровый человек делает даже не задумываясь – ходить по ступенькам, преодолевать бордюры, чувствовать разницу шага по тротуарной плитке, по асфальту, земле.

– Понимаю.

– Конечно, сделаем массаж и физиотерапию, но научиться уверенно себя чувствовать в пространстве – главная задача. И еще у меня к вам две просьбы.

– Конечно, слушаю, – солидно сказала Соломатина.

– Первая – Федотов не должен знать о нашем разговоре. Все, что надо, я сообщу ему сам. Вторая – перестаньте его дергать.

– Что?!

– Перестаньте его доводить. Будьте мягче, понятливее, не давите на человека.

– Я даже и не думала... – задохнулась от возмущения Инна.

– Да? – Доктор посмотрел на Соломатину. – А что тогда с Федотовым происходит? Был спокойный, добродушный парень, занятый только математикой. А теперь... А теперь неврастеник какой-то. А ему, между прочим, еще предстоит свыкнуться с мыслью, что он калека. Учтите это.

– Я не виновата...

– Мое дело вам сказать. Да, тут жена пирожков с мясом напекла. Специально для него, отнесите. Скажите, что это вы, что класс... Придумайте что-нибудь. Мне не очень удобно... – Доктор передал Соломатиной пакет.

– Хорошо.

Пока Инна шла по коридору, она три раза пожалела Федотова, два раза мысленно его убила и один раз горько вздохнула.

– Привязалась! Оставайся здесь, – командовал Федотов, пытаясь сделать шаг.

Костыли он держал по-дурацки, врасстырку. Они больше ему мешали, чем были опорой.

– Врач велел быть рядом, – терпеливо отвечала Соломатина.

– Не надо, только мешаешь. Иди отсюда.

– Нельзя.

– От тебя толку все равно никакого, уходи! – шипел Федотов, пытаясь опираться на больную ногу.

– Да хватит уже! – неожиданно гаркнула Инна. – Кухахчет курицей! Давай, выходи в коридор!

Федотов вскинул на нее глаза, переложил костыли в одну руку, доковылял кое-как до кровати.

– Все. Если ты не свалишь отсюда, я вообще не встану. Ты меня достала.

– Я тебя достала?! Я?! Я стараюсь, прыгаю вокруг тебя, а ты капризничаешь и грубишь! Ты просто хам! Да и откуда тебе быть другим! – Соломатина презрительно выпятила губу.

– Что! – Федотов подскочил, ступил на ногу, ойкнул, подхватил костыли и ринулся в коридор.

Соломатина поспешила за ним.

– Пошла отсюда! – обернулся к ней Федотов и заспешил в сторону ординаторской. На шум обернулись все, кто был неподалеку.

Федотов распахнул дверь и с порога крикнул:

– Где Владимир Анатольевич?!

– Олелжа, ходишь уже?! Вот и замечательно, – словно не замечая его гневного вида, воскликнула старшая медсестра.

– Где врач?!

– Он в соседнем отделении, этажом ниже. Но ты не спустишься, лифт занят, новое оборудование поднимают.

Федотов не дослушал – он ковылял к лестнице. Соломатина следовала за ним. Первым препятствием на их пути была закрытая дверь. Федотов потянул ее за ручку, но открыть мешали костыли. Тогда он отступил, взял оба костыля в одну руку, свободной рукой распахнул дверь, сделал шаг и оказался в проеме двери. Еще чуть-чуть – и Федотов был бы на лестнице, но вместо этого он оказался зажатым дверью – сил удержать ее не хватило, скорости сделать шаг – тоже. Федотов машинально оглянулся и увидел спокойное лицо Соломатиной. Она не предпринимала никаких попыток ему помочь. Тогда он собрался с силами и протиснулся в щель. Дверь закрылась, но через мгновение открылась вновь. Это Инна следом вышла на лестницу.

Федотов, стараясь не обращать на нее внимания, стал спускаться вниз.

Ступени были широкими, удобными, поэтому Федотов довольно уверенно двигался, занося вперед костыли и потом подтягивая больную ногу. Он был на середине пути, когда его рука вдруг сделала неловкое движение, он сам покачнулся, и выпавший костыль с грохотом проехал по ступенькам и упал на площадке, рядом с батареей. Федотов замер. Без опоры остаток лестницы казался пропастью, ступеньки – скользким льдом. Он машинально оглянулся на Соломатину.

– Что ты меня смотришь? – произнесла та. – Это твой костыль. Сам его и поднимай.

Федотов ничего не ответил, он осторожно «подполз» к перилам и, держась за них, стал медленно спускаться.

С этого дня они не разговаривали. Вообще. Они даже не здоровались. Это было удивительно, словно оба одновременно приняли решение не замечать друг друга. Соломатина по-прежнему появлялась в палате Федотова в своем отутюженном белом платье, по-прежнему убирала, мыла, проветривала. Она неизменно сопровождала Федотова на его прогулках. Но была лишь тенью – чтобы ни случилось, она и пальцем не шевелила, чтобы помочь. При этом

не смотрела в мобильник, не отвлекалась на окружающих и неотступно следила за движениями Федотова, но никогда не приближалась к нему ближе, чем на три метра.

А потом наступил июль, школьники-волонтеры закончили свою работу и разъехались на каникулы. Соломатина отдохнула с родителями на море, потом пожила у подруги на даче. Она загорела, немного поправилась и накануне первого сентября остригла свои пушистые волосы.

«Соломатиной идет новая прическа», – сошлись во мнении одноклассники, встретившиеся в новом учебном году.

– Инка, после уроков за американскими котлетами пойдешь? – спросил ее хам Егоров.

– За чем? Куда? – не поняла Соломатина.

– В «макдак», дура, – хмыкнул Егоров.

– Козлина. Нет, не пойду, мама марганцовку просила купить, – вежливо ответила Инна.

Выйдя из прохладной школы в ослепительную жару сентября, Соломатина принялась добросовестно обходить аптеки.

– Ты не найдешь марганцовку. Исчезла из продажи. Неожиданно. Было полно, теперь – нет, – иногда отвечали ей провизоры, но она упрямо кружила по улицам, вроде бы и не замечая, что все ближе и ближе подбирается к областной больнице.

– Может, в больнице есть? – спросила сама у себя Инна и вошла в знакомый вестибюль.

– Соломатина?! Тебя не узнать! – воскликнул доктор Владимир Анатольевич, наткнувшись на нее.

– Я, вот... Мама просила марганцовку найти, в аптеках нет... Может, у вас есть немного...

– Что? Марганцовка? Вряд ли, – отвечал врач, – но все равно давай поднимемся к нам в отделение.

– Давайте, – обрадовалась Соломатина. Она вдыхала знакомый воздух и чувствовала, как холодеют ладони.

– Ну, как ваши больные? – вежливо поинтересовалась она, покосившись в сторону палаты, где когда-то лежал Федотов.

– Хорошо, – кивнул тот и спросил: – А ты как? Поступать будешь в этом году? Или на следующий?

– На следующий.

– Куда собралась?

Соломатина замялась – сказать про юридический или про академию лесного хозяйства она не могла. Что-то несмысленное теперь было в этих планах. Как и в ее любви к униформе – кителям, погончикам и гербовым пуговицам.

– Иди в медицинский, – серьезно сказал Владимир Анатольевич, – из тебя врач получится. Я думаю, даже хирург выйдет. Ты способна сделать больно, чтобы потом было хорошо.

– Вы о чем это? – покраснела Соломатина.

– Ладно тебе. Я видел, как ты учила ходить Федотова. Ты поняла главное – он должен уметь рассчитывать только на себя. В его ситуации с его травмой – это жизненная необходимость.

– Наверное, я была слишком...

– Жестокое? Нет. Ты была заботливой. Ты не стала его поводирем, но была ангелом-хранителем. Ты ведь ни на минуту не оставляла его без присмотра. Ты, девочка, умница.

– А он, наверное, подумал, что сволочь. Мстительная сволочь.

– Кстати, тебе пришло письмо. – Владимир Анатольевич достал из стола конверт и передал его Соломатиной. – На адрес больницы, но тебе. Я уже собирался в школу звонить.

Инна взяла конверт и прочитала на нем имя отправителя.

– От Федотова, – сказала она, глупо улыбаясь.

– От него, – кивнул Владимир Анатольевич. – Иди читай, а мне еще карты заполнять надо.

Все еще улыбаясь, Инна выскочила из больницы, в такт бьющемуся сердцу отмерила шагов сто, а когда повернула на другую улицу, распечатала конверт. Письмо было написано от руки, почерк был ровным, четким, и лист бумаги выглядел словно график с множеством линий. Инна облокотилась о какую-то ограду и принялась читать. Еще через пять минут она аккуратно вложила листик в конверт и спрятала письмо в учебник. Она по-деловому посмотрела на часы и спокойным ровным шагом направилась в сторону дома – скоро придут родители, надо приготовить ужин.

Письмо разочаровало ее – в нем не было ничего романтического, ничего такого, о чем пишут в романах и показывают в кино. Федотов сообщал, что он в интернате, что этот год будет тяжелым – надо определиться со специализацией, что его приглашают в один из университетов, но он думает о работе – деньги нужны. Про свою ногу, про самочувствие, про то, как он лежал в больнице, Олег даже не вспомнил. Инна шла, повторяла фразы из письма и тяготилась каким-то раздражением. Она была рада письму и вместе с тем недовольна его тоном. Она и мечтать не могла, что после всего Федотов напишет ей, но досаду вызывали новости, которые ее почти не касались. Она знала, что будет беречь письмо, никому про него не скажет, но огорчалась, что не было упомянуто то маленькое прошлое, которое у них уже случилось. Инна Соломатина томила всем этим, не понимая, что дело не в Федотове, не в его письме, а в возрасте. Оба они еще не повзрослели настолько, чтобы говорить друг с другом на том языке, который приводит к отношениям. И сейчас им ничего не оставалось делать, как просто ждать и надеяться, что взросление не перечеркнет эту их историю.

Случилось все это лет десять назад. Для истории срок пустяковый, для человеческой жизни – значительный.

То самое письмо от Олега Федотова Инна читала старшеклассницей, а вспоминала сейчас, когда ей было уже двадцать семь. И в эти ее десять лет уместились разные события. Институт, разрыв с родителями. Нет, не надрывный, без особого конфликта, но все же разрыв. То есть те отношения, в которых есть забота и участие по отношению друг к другу, но нет настоящей душевности. «Но хорошо поскандальить – это тоже душевно!» – говаривала Аня Кулько, близкая подруга Инны. Соломатина соглашалась с подругой, но скорее из нежелания спорить. Во-первых, она вообще не любила это делать. (Вот и от родителей уехала спокойно, по-деловому, не желая входить в долгие объяснения.) С подругой Кулько она не спорила, поскольку их взгляды были настолько разными, их привычки порой входили в страшное противоречие, а вкусы вообще находились на параллельных платформах.

– Как? Как ты можешь общаться с этой Аней?! – спрашивали Соломатину общие знакомые.

– Слушай, какая-то она мутная, – по-свойски поделился бывший однокашник Егоров.

С Егоровым Соломатина не потеряла связь, они перезванивались и изредка встречались за кофе. Инициатором всего был он. Во время встреч Инна не могла отделаться от чувства, что Егоров вот-вот объяснится ей в любви, хотя и был женат.

Мать тоже недолюбливала Аню.

– Вы такие разные... – деликатно обронила она после первого визита Кулько к Соломатиным в дом.

Да, они были разными. Очень. И все же дружили уже почти десять лет.

Глава вторая

Аня Кулько

Некоторые философы утверждают, что дружба иногда даже важнее любви. Что существование рядом (или даже вдалеке) верного, способного понять, простить, прилететь по первому зову на помощь человека – это гарантия полноценной жизни и основа душевного здоровья. К тому же наличие друга – это прекрасный повод отвлечься от собственных неурядиц и не погружаться с головой в свои проблемы. Ибо, как известно, долг платежом красен, и как бы неуместно меркантильно в данном случае ни звучала пословица, друзья действительно рассчитывают на симметричный ответ.

Надо сказать, что и здесь Инна Соломатина оказалась несколько в необычной ситуации. Она дружила очевидному наперекор.

А история началась на первом курсе института.

– Простите, а у вас нет лекций по психологии за самое начало семестра? – обратилась к Соломатиной светловолосая девушка из параллельной группы.

– Есть. Нужны? Правда, я хотела еще немного повторить... – ответила Инна.

Дело было в зимнюю сессию. Соломатина решила сдать все на «отлично». И не только из-за повышенной стипендии, но и чтобы доказать родителям, что выбор она сделала правильный. Соломатина все-таки пошла в медицинский. Только выбрала специальность психолога.

– Ну, денег, конечно, заработать можно. Но и с психами возиться стремно, – почесал затылок Егоров, узнав о ее решении.

А решение было принято Соломатиной внезапно, как ответ на давление родителей – те хотели, чтобы дочь занималась чем-то практичным. Например, гостиничным бизнесом. Инну тошнило от такой перспективы, тем более в современном мире можно было легко менять профессии и занятия. А вот получить серьезное образование вроде медицинского – это было по-прежнему нелегко. Особенно, если не было денег на платное отделение. Соломатина вышла из школы почти круглой отличницей, прекрасно сдала вступительные экзамены, но... Но кто-то, кто был ближе ректорату, занял ее место. Инна так расстроилась, что, набравшись наглости, позвонила врачу – тому самому, который советовал ей идти в медицинский и который лечил Федотова. Соломатина до сих пор не знала, что же повлияло на ее совсем беспросветную ситуацию – жалоба врачу и его возможные связи, осторожность институтских чиновников или что-то еще, но ее фамилия значилась в дополнительных списках.

– Не знаю, зачем тебе это надо, но поздравляю, – несколько отстраненно сказала мать.

Инна видела, что родители не ожидали успеха и теперь им даже досадно, что дочери их помощь не понадобилась.

– Мама, я сниму себе квартиру. Как только сдам первую сессию.

– Вот еще! Деньги лишние, что ли? И дома надо жить. В своей постели спать, а не... – вдруг возмутилась мать. А Инна только укрепилась в своем решении.

И вот первая сессия. И все зачеты сданы, и почти по всем экзаменам «отлично». Остался только один, завтра...

– Так я возьму твой конспект и пойду почитаю в библиотеку. – Однокурсница уже протянула руку к тетради.

– А? Да, конечно, – ответила Инна, – я уже все выучила, правда, две последние лекции пропустила... Но...

– Я быстро, – улыбнулась однокурсница, – буквально через пару часов отдам. У вас же сейчас консультации?

– Да, в 405-й аудитории.

– Вот и отлично, я прямо туда подойду.

– Договорились, – обрадовалась Соломатина. Она чувствовала, что эти две последние темы надо еще просмотреть.

Консультация была короткой, Инна освободилась раньше. Она устроилась на одиноком стуле в коридоре и стала ждать свой конспект. Прошел час, полтора, но никто не приходил.

– Слушай, там у вас такая есть белобрысая, с короткой стрижкой. Не видела ее в библиотеке? – спросила она у проходящих мимо знакомых с книжками.

– Кулько, что ли? – сразу отозвались те. Аня Кулько действительно была с совершенно белыми волосами, бровями и ресницами. Впрочем, общее впечатление от лица было приятным.

– Наверное, Кулько. Взяла конспекты, сказала, сюда подойдет вернуть.

– Нашла кого слушать, она давно у себя дома твои конспекты читает.

Соломатина разозлилась. Ее планы на учебу вечером нарушились. Оставался, конечно, учебник, но там было все размыто по главам, и на повторение уйдет больше времени. А экзамен завтра в девять утра.

Когда Инна закончила отвечать, Брыкалова Юлия Петровна тяжело вздохнула:

– Вы, Соломатина, сегодня на себя не похожи. Два вопроса и два плохих ответа. Если бы я вас не видела на лекциях и семинарах, если бы не знала, что у вас в зачетке стоят отличные оценки, я бы вам поставила «неуд». Но я вас знаю. Вы трудились в семестре. Поэтому «хорошо».

– Спасибо. – Соломатина от досады чуть не плакала. Она всю ночь просидела над учебником, повторяла до одури, понимая, что нужны конспекты. Брыкалова особенно внимательно следила за тем, насколько внимательны на ее лекциях и семинарах. «А все из-за этой дуры!» – подумала Инна, выйдя из аудитории.

– Ой, как неприятно! Как нехорошо, – проговорили откуда-то сбоку и взяли ее под руку. Соломатина дернулась, но руку не отпустила. Рядом стояла Аня Кулько.

– Что ж ты конспекты не принесла вчера? Мне как раз эти вопросы достались! – воскликнула Соломатина. Вообще-то она так злилась, что ничего не собиралась говорить.

– И что? Не сдала? – округлила глаза Кулько.

– Сдала. «Хорошо».

– Ух, ты! Здорово как!

– Мне надо было «отлично».

– Счастливая, я об этом даже не мечтаю. Я трояк схлопотала.

– Мне жаль, – сухо ответила Инна и наконец высвободила руку.

– Слушай, извини. Я на лекции почти не ходила, а у тебя так все толково... Ну, и зачиталась.

– Хорошо, давай конспекты, мне идти надо.

– А я забыла их дома, – распахнула глаза Кулько.

– Как забыла?!

– Так, а что, они нужны тебе? Я еще хотела позаниматься.

Соломатина озадаченно хмыкнула – какое-то нахальство, простота, наивность, и за всем этим ощущается напор.

– Слушай, Ань, мне нужны мои конспекты, потрудись их завтра же привезти.

– Так завтра же каникулы начинаются! Зачем они тебе? Да и я не собиралась в институт.

«Офигеть! – подумала Инна. – Не собиралась в институт!»

– И все же... – сказала Соломатина вслух. Уступать не хотелось. И потом что за дела такие?! Взяла, подвела, а теперь еще отказывается привезти.

– Слушай, ну, правда, каникулы же... – так же безмятежно протянула Кулько.

– Я буду во вторник на факультативе. Их не отменили на время каникул. Вот туда принеси, – проговорила Инна и, не слушая ответа, скрылась в туалете. Аня, слава богу, за ней не последовала.

Конспекты Аня не вернула. (Говорила, что потеряла, но кто-то сказал, что видел их у нее.) Соломатина чувствовала себя паршиво – тень Кулько словно преследовала ее теперь. Как-то так получалось, что она была всегда рядом или неподалеку. Соломатину это раздражало – она чувствовала себя одураченной. Кулько вела себя немного виновато, но при этом часто вынуждала Инну поступать так, как удобнее ей. Соломатина ощущала это несоответствие – манеры вкрадчивые, а хватка железная. Это бесило, раздражало, но как только она пыталась осадить назойливую приятельницу, так сразу просыпалась совесть. «Но она же больше ничего не сделала. И если действительно потеряла конспекты? А так, просто манера у нее такая. Может, комплексы. И потом, по-моему, она все время одна, ни с кем не дружит...» – думала Инна. И как-то, скорее из ложного чувства вины, чем искренне, предложила Ане сходить на выставку.

– Да, с удовольствием, – просияла та.

И Соломатина впервые за долгое время почувствовала себя комфортно. «Иногда нас делают созависимыми, – сказала однажды Брыкалова на своей лекции, – например, когда ставят в положение виноватого хозяина. В реальности вы не хозяин и уже тем более не виноватый. Но в вас культивируют это чувство». Соломатина вспоминала эти слова каждый раз, когда общалась с Аней Кулько. И только подавив в себе раздражение и пригласив ее на выставку, Инна почувствовала себя свободной. «А все очень просто – я выполнила свой долг. Я сделала приятно одинокому человеку. И мне от осознания этого хорошо. Ну, сходим в музей. От меня не убудет».

Они сходили в музей, и Соломатина забыла о всех претензиях к Ане. Та оказалась остроумной, начитанной и прекрасно знающей живопись. Вне институтских стен она вела себя свободно, спокойно, перестала заискивать и перестала настаивать на своем. От этого выиграли все.

– Здорово. Я ничего не знала об акварели. Оказывается, есть потрясающие вещи. В следующий раз надо в Третьяковку сходить, – решила Инна и сказала это совершенно искренне.

Аня Кулько тоже снимала квартиру, только в отличие от Соломатиной, это была мера вынужденная. Маленький городок, где проживали родители Ани, находился далеко. Москва для нее была не родным городом, а суровым местом испытаний.

– А я не парюсь. Я не долго буду в съемной хате жить. Я замуж за местного выйду, – сказала как-то Кулько Соломатиной.

– А представь, что его родители будут против тебя? Или квартира будет маленькая у них. И вам придется все равно снимать жилье?

– Так это его проблемы. Мужа, – улыбнулась Аня.

Соломатина еще раз удивилась нахальной беспечности и уверенности в себе.

В институте молодых людей было много, и на Аню внимание обращали. На свидания она ходила часто, только не больше двух-трех раз с одним и тем же парнем.

– Тебе никто из них не нравится? – удивилась Соломатина.

– Без перспективы, – лаконично отвечала Кулько.

– Что такое перспектива?

– Спокойная жизнь без геморроя.

– Выгодное замужество? – съязвила Инна.

– Что-то вроде. А эти все такие же, как и я.

«Отшивать» ненужных молодых людей Аня старалось грамотно. Чтобы никто не обиделся. Парни не обижались, но и в друзьях не задерживались. То ли дело Соломатина, к которой бывшие ухажеры приходили поделиться сердечными проблемами.

– Здорово это у тебя получается. Вроде расплевались, а смотри-ка – закадычный друг, – завидовала Кулько. – Это же очень удобно!

– Чем? – удивилась Инна.

– Если что, ты тоже за помощью обратиться сможешь.

– А, ну да, – протянула Инна и сказала себе, что вряд ли такое случится. Она и сама не понимала, как так получается. Что-то такое было в ее поведении, что людей не злило. Кстати, дружба Инны с Аней Кулько была предметом пересудов и сплетен. По институту ходила молва, что Кулько «выезжает» за счет подруги. Те же конспекты, шпаргалки, подтянуть по предмету, познакомиться с нужным человеком – Соломатина без разговоров помогала всем, чем могла. Аня благодарила многословно, а когда наступал нужный момент, произносила фразу:

– Инка, ты не возражаешь, я с Семеновой потусуюсь – она обещала мне дешевый абонемент в бассейн.

Соломатина изумлялась такой постановке вопроса – она помогала подруге по сердечной простоте и благородству, взамен ничего не требуя. Кулько же хорошие дела держала за валюту. А дружбу считала что-то вроде отношений вассала и господина. Причем вассал иногда крутил господином.

– Ань, не глупи, – с досадой отвечала Соломатина.

Кулько исчезала на какое-то время, а потом опять как ни в чем не бывало подруги ходили по выставкам, театрам, гуляли по городу.

Инна привыкла к Анне, снисходительно относилась к ее хитростям, к ее стремлению воспользоваться отношениями и связями. Соломатина была великодушна, к тому же ей не пришлось покидать родной город и приноравливаться к волчьим законам столицы.

Так они и дружили. Даже после окончания института, когда пути их разошлись, Аня Кулько не упустила Соломатину из виду. Впрочем, их диплом и устройство на работу – это отдельная история, которая заслуживает подробного изложения.

К концу обучения в институте Инна Соломатина уже подрабатывала в одном из лечебных учреждений – она иногда вела беседы с пациентами, страдающими дислексией, то есть не способными сконцентрировать свое внимание. С точки зрения многих специалистов, это совсем небольшое отклонение от нормы, и часто люди, подверженные этому, делали успешную карьеру в самых разных областях. Соломатиной нравилась эта работа. Еще она консультировала в детских учреждениях и вела уроки для дошкольников с различными нервными заболеваниями. Все это было в рамках учебной практики, и руководитель курса Брыкалова не могла нарадоваться на любимую студентку.

– Очень хорошо. Я даже уже сомневалась, встречу ли такое рвение и такие способности!

Та же Брыкалова порекомендовала Инну в один из институтов.

– Знаете, там не только можно заниматься научной работой, но и принимать пациентов. А это дополнительный заработок, – прервав поток благодарностей, пояснила она Инне.

Соломатина была на седьмом небе от счастья. Больше всего она боялась остаться без работы – как такового распределения не было, каждый шел, куда мог, где были связи. Из всего курса она оказалась самой везучей.

Однокашник Егоров имел другое мнение на этот счет:

– Ты заработала это место. Головой и задницей. А также нервами своими. Ты же знаешь, как выгорают врачи твоей специальности!

Да, Инна знала. Но сейчас в самом начале пути ей казалось, что чем больше и чем чаще она будет практиковаться, тем лучше.

Подруга Кулько отреагировала иначе:

– О, везет же. Тебе ни о чем думать не надо. Ты и так москвичка, тебе все карты в руки.

Кулько ныла долго, практически беспрестанно. К тому же в доме у нее что-то стряслось, и она ходила в слезах.

- Прекрати волноваться, найдем мы выход из ситуации, – утешала ее Инна.
- Как? Как? Ты, что ль, работу мне дашь? – как-то по-собачьи кидалась Аня.
- Ну, почему же я, – терялась Инна, – ну, ты поищи, походи на собеседования...
- Издеваешься, да кто меня ждет?!

В таких истериках прошли два последних месяца учебы. А на третий месяц Соломатина, полная комплексом вины из-за своей удачливости, предложила:

- Аня, иди ты в этот институт. Я договорюсь, тебя возьмут.

Кулько, как всегда в таких случаях, выкатил глаза:

- Ты что?! Да я, да никогда...

Впрочем, сопротивлялась она вяло.

Брыкалова же в беседе с Инной кричала:

– Да не будьте вы, Соломатина, такой дурой! Эту вашу Кулько к профессии и близко подпускать нельзя. И не буду я за нее просить. Если не хотите туда идти работать – не ходите. Но не смейте пристраивать эту бездельницу!

Инне стало стыдно перед Брыкаловой и по-прежнему было жаль Аню.

Закончилось дело тем, что Инна вышла на работу, а через два месяца упростила руководство взять ассистентом Аню.

Еще через год место Соломатиной заняла Кулько.

- Я даже не понимаю, как это произошло! – оправдывалась она.

Инна ее не слушала, она не винила подругу, понимая, что решение приняли «наверху». А вот поверить, что к этому приложила руку Аня, Соломатина отказывалась.

Профессор Брыкалова позвонила Инне:

- Соломатина, от вас я не ожидала такого!

– Чего вы не ожидали? – возмутилась Инна. – Я не брала денег за консультации. Только за те, которые шли через коммерческий отдел.

– Послушайте, запомните, в психиатрии очень легко стать миллионером. Но и нищим тоже. А еще легко потерять профессию и друзей.

– Так можно сказать про абсолютно любую профессию, про любого специалиста, – возразила возмущенная Инна, – даже про сантехника.

- И все-таки запомните мои слова.

- Хорошо. – Инна поняла, что она ничего не докажет.

Так Соломатина осталась без работы. И без профессии. Без профессии, потому что устроиться по специальности у нее не получалось. Вроде бы встречали ее приветливо, цокали языками, видя диплом, но на работу не брали. Даже в школы и дошкольные учреждения, где всегда требуются детские психологи. Уже заволновались родители, видя, как мыкается дочь, уже Егоров примчался на помощь с деньгами и кучей вакансий от своих друзей, уже Брыкалова позвонила, обеспокоенная. И только Аня Кулько безмятежно ходила на работу и с каким-то удовольствием сообщала Инне все новости.

– Знаешь, мне совсем неинтересно знать, что там происходит, – не выдержала как-то Инна.

Кулько вытаращила глаза:

- Даааа?! А я думала, что интересно... Про тебя, кстати, там спрашивают все время.

Кулько старательно передавала сплетни, но молчала о том, что в разгар того самого разбирательства именно она, Аня, произнесла фразу, которая, похоже, решила судьбу Инны.

– Скажите, доктор Соломатина вела частные приемы? Она брала деньги с пациентов в обход кассы? Вы ее ассистент, вы должны были многое видеть, – задали вопрос Ане.

– Ну, я не могу сказать точно, иногда доктор оставалась наедине с больным. А меня куда-нибудь отсылала, – отвечала Кулько.

И в этой лукавой полуправде-полулжи увидели сигнал. Инну уволили, даже не задав никаких вопросов.

Это были трудные времена. Трудные и несправедливые. И горько было от осознания того, что поступили несправедливо.

– Почему ты не хочешь разобраться во всем? – не успокаивался Егоров. Он спокойно перенес отказ Соломатиной от помощи, но сердился из-за ее мягкотелости.

– Ты пойми, это вопрос принципиальный, – отвечала ему Инна, – я не хочу оправдываться.

– Да причем тут оправдываться? Ты должна сказать, что тебя оклеветали.

– Да кто? Кому это надо?

– Кто сидит теперь на твоём месте?

– Глупости не говори! – Инна не возмущалась, она просто начисто отвергала эти домыслы. – А сидит Аня, потому что специалист с высшим образованием. Неплохой специалист. И, кстати, Брыкалова зря о ней так отзывалась.

– Ох, Соломатина, ты уникальный человек, – вздыхал Егоров.

Так время шло: Аня Кулько делала карьеру на чужом месте, Соломатина искала работу. Между собеседованиями она подрабатывала няней. Кто же откажется от няни с высшим образованием, с дипломом психолога, с хорошо поставленной речью и приятными манерами? А если учесть, что Инна всегда соглашалась задержаться, помочь, выйти в неурочное время, то потихоньку она обросла клиентурой и стала зарабатывать очень неплохие деньги. К тому же, верная своей ровной и спокойной доброжелательности, завоевала искреннее расположение родителей. И вот папы ее подвозили до метро или даже до дома. Мама дарили ей духи, предлагали бесплатно сходить в дружественный салон или, стесняясь, вручали большой пакет:

– Вот, вы только не обижайтесь, это очень хорошее платье. Почти новое. Я пару раз его надела, а потом что-то поправляться стала...

Соломатина краснела и отказывалась. Слово «обноски» она не решалась про себя произнести, но фраза «с чужого плеча» тоже была неприятна.

– Ты странная, сама же ходишь в «секонд-хенды», – как-то сказала ей мать, – а тут люди искренне. Ну, действительно, она поправилась, а платье лежит, его жалко. Продавать – рука не поднимается, лень и все такое. Человек от души предлагает.

Инна задумалась, и вскоре уже Аня Кулько завистливо разглядывала ее платье.

– Да, круто! Это же известный бренд! – проговорила она и тут же добавила: – Правда, вот пуговица на волоске висит. Вообще, эти богатые тетki ни фиги не чувствуют момента. Ну, коль жертвуешь, так приведи в порядок.

Соломатина дернулась от слова «жертвуешь», но тут же рассмеялась:

– О, мне кажется, что вскоре вообще перестану покупать одежду.

И увидев досаду на лице подруги, вдруг почувствовала удовлетворение. Такое с Соломатиной случалось редко, но Аня как-то уж очень явно ее подколола, да и о ее работе отзывалась пренебрежительно.

Теперь Аня Кулько, позабыв о том, как помогала ей Инна, вдруг загордилась. Она с апломбом рассуждала о ситуации в институте, делала далеко идущие выводы. И вообще вела себя заносчиво. И встречаться они стали реже, а если встречались, то именно Инна жертвовала своим временем или делами. А Кулько могла запросто сказать:

– Ты с ума сошла?! Я не могу в середине недели куда-то ходить – у меня работа, не забывай, мне рано вставать! Я не могу опаздывать, я все-таки небольшой, но начальник.

И Соломатиной со всеми этими «я» никак не удавалось забыть, каким образом ее подруга превратилась в начальника.

Как-то поздно вечером раздался телефонный звонок. Инна, уже лежавшая в постели, перепугалась. Но звонила совершенно незнакомая женщина.

– Извините, мне ваш телефона дала Людмила, – произнесла она.

– Да, слушаю, – ответила Инна.

Людмила была мамой четырехлетнего Валерика, которого воспитывала Соломатина три раза в неделю. Мальчик был приятный, умненький, но очень нервный. Инна с ним уставала, но не отказывалась от него. Ей было очень интересно применять на практике полученные знания по психологии. Людмила, мать мальчика, да и его отец, молились на Соломатину. Она каким-то образом умела влиять на настроение мальчика и, более того, умела заставить его читать, рисовать и вообще хоть минут двадцать обойтись без суеты и мельтешения, беготни. Людмила предупредила, что Инне будет звонить их знакомая, потому что ей очень нужен совет.

– Людмила дала вам самые лучшие рекомендации. Она такое рассказывала! Она говорит, что Валерик уже знает буквы и может читать сам. Вот и нам сейчас нужна помощь. Но проблема в том, что мы должны уехать с мужем, а с дочкой остается бабушка. Вы не могли бы пожить у нас в доме, присмотреть за нашей дочкой, помочь бабушке в воспитании. И вообще, понаблюдать за Светой.

– Света – это ваша дочь, – сказала Инна, вспоминая недавний разговор с Людмилой.

– Да, а к работе приступить надо с понедельника. Мы улетаем через несколько дней.

– Но я должна с Валериком заниматься...

– Я с Людмилой договорилась. Она вас отпускает. Если вы, конечно, согласитесь. Вы не волнуйтесь, мы хорошо оплатим вашу работу – понимаем, что психологам достается самое тяжелое. Мы вам премию выплатим. И понятно, завтраки, обеды, ужины – все у нас, за наш счет. Вам будет предоставлена отдельная комната. Вы сможете выспаться, и вам не надо будет никуда ездить.

– А где вы живете? – насторожилась Соломатина.

– Ближнее Подмосковье, – ответила женщина и назвала один из элитных пригородов.

– Я даже не знаю... – засомневалась Инна. Ей не хотелось что-то менять. Потом чужой дом. Но... Но с другой стороны, практика. Хорошая практика. Рано или поздно это пригодится. К тому же платят отлично. Во всяком случае, обещают.

– Я вас очень прошу... – в голосе собеседницы появились умоляющие нотки.

– Ну, ладно, если вы договорились с Людмилой, – сдалась Соломатина.

– Ох, огромное спасибо. Мы просто были в отчаянии – на одну бабушку и на обычную няню Светочку оставить нельзя.

– Я постараюсь сделать все возможное, – осторожно пообещала Инна, – но вот бабушка и няня... Можно ли будет с ними договориться, чтобы они слушались меня? Иначе, боюсь не справиться с задачей.

– Обязательно распоряжусь, – поклялась собеседница и добавила: – За вами заедут.

– Да я сама доберусь.

– Еще чего, не хватало этого... Наш водитель в понедельник с утра будет у вашего подъезда. Давайте адрес.

Так Соломатина оказалась в одном из богатых поселков неподалеку от станции Раздоры.

Первое впечатление было смешанным – огромный дом был красив, охрана в фуражках с блестящими и невнятными кокардами вела себя почтительно, но требовательно. Машину с водителем и Соломатиной не пропускали до тех пор, пока начальник привратничкой не созвонился с кем-то в доме.

И огромный холл, и комнаты, разбегающиеся по обоим крылам дома, умопомрачительная люстра – все это было впечатляющим, но Соломатина отреагировала только на картины. Две, расположившиеся по сторонам от центральной лестницы, были огромными и изображали

морские батальные сцены. Картины были старыми, это понимала даже Соломатина, совершенно не разбирающаяся в искусстве.

– Это настоящие? – шепотом спросила она у водителя, который провожал в комнату бабушки.

– А то! На аукционе покупали, так говорят, – тихо ответил он.

Бабушка Светы занимала маленькую комнатку на втором этаже. В этой комнате было точно так, как было в комнатах пожилой соседки по пятиэтажке, где Соломатина снимала квартиру. Шкаф-стенка с собраниями сочинений и остатками древней посуды, никакой значимости не имеющей, ракушка, когда-то привезенная с моря, и посеревший коралл оттуда же. А еще здесь было удобное кресло из советского гарнитура «Олеся». Под ногами, закрывая дорогой пол, лежал ковер ивановской фабрики. Соломатина слегка опешила.

– Да, представьте, все отвоевала с боем, когда переезжала к внучке. Я привыкла к этим вещам, – произнесла полная старуха. – Меня зовут Софья Петровна. А вы психолог Инна. Я все уже знаю, сейчас вам покажут вашу комнату, вы устраивайтесь, переодевайтесь. У нас здесь полно комаров, как ни стараются обрабатывать дом и участок. И мы с вами пойдем пить чай в беседку.

– А как же Света? – улыбнулась Инна.

– А ее привезут вечером. Она сейчас верховой езде учится. Папа ей лошадку подарил.

– Так рано? Она же маленькая еще!

– К спортивной и светской жизни приучают с младых ногтей, – закатила глаза Софья Петровна. – У меня-то свое мнение на сей счет.

– Какое же? – Соломатиной важно было узнать точку зрения домашних на воспитание девочки.

– Нужно учить читать, писать, плавать. Потом занятия рисованием и музыкой.

– Грамотно, – согласилась Инна, – первые три позиции – основа гармоничного развития. Остальное, можно сказать, вторично. Но родители порой считают иначе. Но мы не будем спорить с ними. Мы постараемся смягчить удар родительских амбиций по ребенку.

– Это вы хорошо сказали. Родительские амбиции бьют по детям, – вздохнула Софья Петровна.

Через час они сидели в беседке, пили чай и беседовали. Пожилая женщина нравилась Соломатиной. В рассуждениях отсутствовала возрастная нетерпимость, не было родственных сплетен и явно чувствовалось доверие к тому, что будет делать Инна.

– Знаете, я считаю, что хороший детский психолог не повредит. Дети сейчас впитывают такое количество информации, страшно становится. И совершенно непонятно, что с этим делать, как понять, что повлияет на ребенка.

– Не волнуйтесь, мы справимся. Тем более что, как я понимаю, серьезных проблем у Светланы нет. А ее нелюдимость мы победим. Думаю, что проблема в какой-то мелочи. Мы ее на свет вытащим и обезвредим.

Софья Петровна только вздохнула.

Так, с этого чаепития, началась работа Инны в этом доме. Соломатина порой себе не верила – жила она с комфортом, прекрасно питалась, у нее было свободное время и водитель в ее распоряжении. Но больше всего ей нравилась работа. Девочка, за которой она наблюдала, с которой занималась, была славной. Практически без проблем. За одним исключением: она совершенно не переносила общество других детей и не могла свободно общаться со взрослыми. Соломатина начала с того, что расспросила бабушку Софью Петровну и успела переговорить с уезжавшими родителями. Выводы делать было рано, о чем честно сказала Инна.

– Так, сразу я затрудняюсь ответить. И даже найти способ повлиять на девочку. Мне надо пообщаться с ней, понаблюдать за ней. Надеюсь, на это уйдет не очень много времени.

– Мы согласны на все! – произнес отец.

Соломатина заметила, что в присутствии мужа мать девочки немногословна. Видимо, глава семейства был действительно главой в широком смысле слова. Но диктатором он не был. Не был он и груб и ни разу за эту неделю, которую они все прожили под одной крышей, не вспылал.

– Мой муж много и тяжело работает. Но он очень сдержан.

– А вы? – улыбнулась Инна.

– Я стараюсь.

– Девочка случайно не была свидетелем ваших ссор?

– Да нет у нас ссор, – пожала плечами мать, – правда. У нас нормальная семья. Несмотря на деньги.

– Это хорошо, – вздохнула Инна. Она сталкивалась с людьми, для которых норма была далека от нормы.

– Я в присутствии мужа немного робею, – стесняясь, проговорила мать девочки.

– Почему же?

– Я только школу окончила и сразу замуж вышла. А муж у меня очень образованный. И его мама...

– Софья Петровна?

– Да, она долгое время была против брака. Хотя сама человек нормальный. Не высокомерный.

– Но вы чем-то же занимаетесь? Кроме дочери и дома?

– Да, у меня сеть ателье. Мне это нравится...

«Да нет, дело не в семье. Семья адекватная. Во всяком случае, на первый взгляд. Но надо еще понаблюдать», – подумала Инна и приступила к работе.

Дни летели, и как-то она получила длинное письмо от родителей Светланы. Те просили ее остаться еще на месяц. Дела требовали их присутствия за границей. Соломатина, которая уже добилась небольших результатов, без колебания согласилась, и дело было не только в прекрасных условиях, которые ей здесь обеспечили, но и в проблеме, с которой столкнулась семья. Инна во что бы то ни стало решила добиться стопроцентного успеха – Света была нормальным ребенком, не отставала в развитии, прекрасно вела себя в доме, но полностью менялась в присутствии чужих людей. «Скорее всего, ее чересчур опекали, своего рода изоляция. Такое бывает», – пришла к выводу Инна и разработала свой план занятий с девочкой. Чтобы проверить себя и не совершить непоправимых ошибок, Инна позвонила своему бывшему руководителю Брыкаловой.

– Соломатина, вы – няня?! – Та чуть не упала в обморок.

– Да, и мне пока нравится. Тем более я не просто няня. Я – детский домашний психолог. Ну, что-то вроде того...

– О господи! Ладно, приезжайте, рассказывайте, что там у вас... – согласилась преподавательница.

Брыкалова посмотрела план работы с девочкой Светой и одобрила его.

– Вы всегда были молодчиной. Умеете работать. И может, это ваше... – задумчиво произнесла она, потом внесла незначительные коррективы в план действий, а в завершении разговора добавила: – Кстати, у вашей Кулько в скором времени будут проблемы на работе. Вы знаете об этом?

– Нет, – помотала головой Инна.

Она действительно давно не общалась с подругой. Впрочем, точно сказать, кто из них не общался с другой, было сложно. Соломатина старательно выживала, Кулько делала карьеру, заняв место Инны. Но вся проблема заключалась в том, что Аня Кулько работать не умела. Или не хотела. Там, где требовались терпение, усидчивость, прилежание и просто тщательность, Аня проявляла нетерпение и раздражительность. Она с удовольствием перекладывала

решение проблем на плечи своих немногочисленных подчиненных. Те работали как могли, но спрашивали с начальства, то есть с Кулько. И тогда в отделе начались конфликты – Аня устраивала разборы полетов. Но всем было очевидно, что прежде всего виновата сама Аня, что ей стоило вникнуть в поставленную задачу, проследить за выполнением, проверить итоги. А тут еще случилась беда с документацией. Этим Аня тоже предпочитала не заниматься. Там, где у Соломатиной всегда был порядок, теперь царила полная неразбериха. И однажды Аню Кулько вызвали к начальству.

– Анна Александровна, вы единственная не сдали отчеты за прошлое полугодие. Понятно, заниматься вопросами психологии – не дебеторскую задолженность подсчитывать, но и у нас есть свой документооборот. Пожалуйста, решите все эти проблемы в вашем отделе...

Затем начальство намекнуло на возможные жесткие меры. Чем вызван был такой поворот, было не очень понятно, но именно этот случай имела в виду Брыкалова, когда рассказывала Соломатиной о ее подруге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.